

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УДК 94(470.56)–054.5

doi 10.17072/2219-3111-2024-2-123-131

Ссылка для цитирования: Антипин Н. А. Челябинские казаки в 1890–1920-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 2(65). С. 123–131.

ЧЕЛЯБИНСКИЕ КАЗАКИ В 1890–1920-Е ГОДЫ¹

Н. А. Антипин

Южно-Уральский государственный университет, 454080, Россия, Челябинск, Ленина пр-т, 76

antipin87@mail.ru

ResearcherID: AAZ-9777-2020

Scopus Author ID: 57200941679

SPIN-код: 9379-9264

Рассматривается проблематика, связанная с жизнью казаков в городском пространстве. В историографии казаки стереотипно воспринимаются исключительно как сельские жители, селившиеся в станицах и поселках, поэтому малоизученной остается проблематика, связанная с жизнью казаков в городском пространстве. С момента основания Челябинска в 1736 г. казаки были частью городского населения. Они несли военную службу, имели специфические права и обязанности, но также были включены в городской социум: участвовали в самоуправлении и экономической жизни. Центральный вопрос данной статьи – изменение численности казачьего населения в Челябинске в конце XIX – первые десятилетия XX в. Для решения задачи потребовалось привлечение обширного круга разнообразных архивных источников: клировых ведомостей городских приходов, раскладочных ведомостей налога на недвижимое имущество, реестров выдачи промысловых свидетельств, списков избирателей, переписки городской управы, делопроизводственных документов городского совета. В результате проведенного исследования установлено, что на рубеже XIX–XX вв. казачье сословие в пределах города фактически растворилось: численность сократилась примерно до ста человек, казачий сектор недвижимости – до 25 домовладений. Выявлены две возможные жизненные стратегии в новых условиях: первая – покинуть город и обосноваться в пригородных поселках; вторая – перейти из казачьего сословия в мещане. Оба варианта предполагали сокращение количества представителей казачьего сословия в городе, о чем свидетельствует и перевод станичных органов управления из Челябинска в пригородные поселки. Номинальное включение казаков в городской совет в 1919 г. скорее указывало на попытку привлечь на свою сторону оппозиционно настроенное казачество, а также на позиционирование Челябинска как места проживания казаков.

Ключевые слова: оренбургские казаки, Челябинск, социальные изменения, социальная история, миграционные процессы.

Челябинск на рубеже XIX–XX вв. – это бурно развивающийся город: появилась железная дорога, активизировалась торговля, возросло переселенческое движение, намечилось развитие городской инфраструктуры, обозначился рост населения, трансформировалась и социальная структура города. Челябинск привлек массу нового населения как из окрестных станиц и волостей, так и из дальних губерний. Развитие экономической жизни города, переселенческое движение и размытие старожильского населения повлекли за собой изменения в его социальной структуре.

В XVIII–XIX вв. казаки составляли весомую долю городских жителей Оренбургской губернии. Е. В. Волков, проведя анализ Городовой обывательской книги Челябинска за 1861 г., определил, что 10 % домовладений в городе принадлежали казакам; на 1861 г. в городе насчитывалось 228 казаков из 5370 жителей (ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5470. Л. 1–173). По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Челябинске жило 19 998 человек, из них мещан 9467 человек и казаков 1117 человек (Первая всеобщая перепись населения..., 1904, с. 1, 26, 27). Перепись зафиксировала стабильную ситуацию в соотношении казачьего сословия к другим социальным группам: в 1861 г. казаки составляли 4,25 % населения города, в 1897 г. этот

показатель составил 5 % [Волков, 2022]. Однако в дальнейшем, в начале XX в., все заметнее становится миграционный поток: к 1908 г. численность населения Челябинска достигла 60 тыс. человек, а значит, с момента переписи она выросла в три раза [Алеврас, 2000, 2022; Никонова, Тимофеев, 2022]. В историографии казаки стереотипно воспринимаются исключительно как сельские жители, селившиеся в станицах и поселках, поэтому малоизученной остается проблематика, связанная с их жизнью в городском пространстве [Ганин, 2008; Годовова, 2020; Волков, 2022]. Возникают вопросы: как в конце XIX – первые десятилетия XX в. изменилась численность казачьего сословия в Челябинске? чем занимались городские казаки и какова была их судьба в первые десятилетия XX в.?

Если для XVIII – середины XIX в. существуют такие исторические источники, как обывательские книги, ревизские сказки, которые содержат комплексные сведения о составе и численности населения Челябинска, то для второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в. таких источников нет. Отсюда возникает трудность в изучении трансформации социального состава населения в условиях бурно развивающегося и изменяющегося города. В настоящей статье привлекаются разнообразные материалы: клировые ведомости городских приходов, раскладочные ведомости налога на недвижимое имущество, реестры выдачи промысловых свидетельств, списки избирателей, переписка городской управы, документы городского совета и другая делопроизводственная документация, отложившаяся в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области.

Челябинск был центром обширной станицы. На 1901 г. в Челябинский станичный юрт входили г. Челябинск и 26 поселков: Шершнево-Восточный, Мысовский, Кайгородовский, Трифановский, Малышевский, Полетаевский 1-й, Полетаевский 2-й, Чипышевский, Троицкий, Киселевский, Бутаковский, Черняковский, Сосновский, Никольский, Першинский, Круглянский, Чуриловский, Коноваловский, Тугайкульский, Фотеевский, Глубокинский, Дударевский, Сухомесовский, Исаковский, Синеглазовский, Смолинский (Списки населенных мест Оренбургской губернии, 1901, с. 249–251). К 1916 г. в состав юрта добавились Костылевский, Шугаевский, Колупаевский поселки (Список населенных мест Челябинского уезда, 1916, с. 192–195). С XVIII в. в городе располагалась войсковая станичная изба [Самигулов, 2015, с. 69–70], затем станичное правление, только в конце XIX в. правление переехало в Никольский поселок, а оттуда уже в 1910-е гг. – в Сосновский поселок.

Перенос станичного правления из города в пригородные поселки – одно из свидетельств трансформации социального состава городского населения. По-видимому, в этом проявилась попытка приблизить органы управления станицей к местности их компактного проживания. Одно из косвенных доказательств того, что в Челябинске существенно сократилось казачье население, встречается в справочном издании «Список населенных мест Челябинского уезда», выпущенном в 1916 г. В нем сведения о численности казачьих дворов и населения города не указаны, хотя для всех остальных станичных центров такие сведения имеются (Список населенных мест Челябинского уезда, 1916). Это может свидетельствовать о невозможности выявить и точно подсчитать казачье население Челябинска.

К 1916 г. в Челябинске действовало почти два десятка православных храмов, часть из них имела статус приходских, а потому в них велся учет населения приходов, отражавшийся в ежегодных отчетах – клировых ведомостях. Приходскими церквями были Христорождественский собор, Свято-Троицкая, Александро-Невская и Рождество-Богородицкая церкви (табл. 1).

Из клировых ведомостей видно, что в двух городских православных приходах (Христорождественского собора и Свято-Троицкой церкви) учитывались оренбургские казаки. Казаки жили в приписанных к ним поселках, располагавшихся в окрестностях Челябинска: Каштакском, Казанцевском, Першинском, Фотеевском и Смолинском. При этом в границах города они не были зафиксированы. В 1912 г. в приходах Христорождественского собора и Свято-Троицкой церкви учтено 2305 казаков, в 1916 г. – 2277 казаков. Однако точно нельзя сказать, что казаки названных и других окрестных поселков все жили по месту «приписки», встречаются случаи, когда казаки из ближайших поселков жили в Челябинске: например, казаки-

старообрядцы Сосновского поселка Акиндин Иванов и Антоний Давыдов с семьями жили в городе (ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 482. Л. 354 об. – 355; Д. 510. Л. 88 об. – 89).

Таблица 1

Численность и состав городских приходов
(ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 335. Л. 25, 124, 135, 153; Д. 367. Л. 20, 32, 47, 114)

Год	Христорожде- ственный собор, кол-во прихожан	Свято-Троицкая церковь, кол-во прихожан	Александро- Невская церковь, кол-во прихожан	Рождество- Богородицкая церковь, кол-во прихожан
1912	3825 В том числе: казаков 487 старообрядцев 89	5879 В том числе: казаков 1818 старообрядцев 616	1367 В том числе: старообрядцев 48	7445 В том числе: старообрядцев 240
1916	3644 В том числе: казаков 330 старообрядцев 114	5787 В том числе: казаков 1947 старообрядцев 634	1326 В том числе: старообрядцев 45	6078 В том числе: старообрядцев 164
Социаль- ный состав приходов	Духовенство, во- енные, мещане, разночинцы, ста- рообрядцы	Духовенство, статские, купцы, крестьяне, ме- щане, старообряд- цы	Духовенство, дво- ряне, крестьяне, военные, мещане, старообрядцы	Духовенство, дво- ряне, крестьяне, военные, мещане, статские, старооб- рядцы, инослав- ные, иноверцы, сектанты

В табл. 1 также обозначены старообрядцы, которые, безусловно, не являлись прихожанами названных церквей, но формуляр клировых ведомостей предполагал учет всего населения, проживающего на территории прихода. Основная часть старообрядцев – это те же казаки окрестных поселков, но, по-видимому, часть из учтенных старообрядцев – городские жители, при этом их социальный статус в документах не определен. Таким образом, клировые ведомости городских православных приходов не фиксируют к 1917 г. сколько-нибудь значительного количества казачьего населения в черте города.

Метрические книги трех старообрядческих церквей, располагавшихся в городе [Антипин, Шестаков, 2021], показывают, что среди прихожан действительно было казаки, а также мещане и купцы. Однако, например, среди записей о рождении, смерти и бракосочетании, сделанных в метрических книгах Покровской, Никольской, Свято-Троицкой церквей в 1912 и 1916 гг., не встречаются упоминания городских казаков, но встречаются казаки окрестных поселков Челябинской и Миасской станиц (ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 482, 510, 541, 656, 804). Безусловно, возможно предположить, что в эти годы в семьях городских казаков не рождались, не умирали и не сочетались браком, что также говорит о малочисленности этой группы городского населения.

Численность казаков также возможно оценить с помощью списков избирателей. В списке избирателей на выборах гласных в городскую думу на 1906–1909 гг. из 799 человек было всего 22 представителя казачьего сословия. Все они вошли в состав избирателей по имущественному цензу. Причем восемь человек – это жены и вдовы казаков (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 831. Л. 16–19). Женщины не могли голосовать, но имели право доверить право голоса своему мужу или сыну, как это делала Анфиса Смолина, каждые выборы выдававшая доверенность своему мужу (ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6982. Л. 2, 8). К этому списку следует добавить казаков-пенсионеров. На 1906 г. их было всего четверо: есаулы Алексей Медведев и Григорий Стариков (он включен в список домовладельцев), хорунжий Халендулла Саутов и войсковой стар-

шина Иван Харин (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 883. Л. 39–39 об., 40). На выборах в городскую думу в 1914 г. могло участвовать 1039 человек, из них 27 представителей казачьего сословия (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1176).

На выборах в Государственную думу в 1907 г. в списке избирателей (всего в списке Челябинского съезда городских избирателей было 4656 человек) значились 123 казака, из них большинство получило право голоса на основании того, что они занимались торговлей, служили в винных лавках в городе или на железной дороге, получали пенсию, а как казаки были приписаны к пригородным казачьим поселкам. 23 казака имели недвижимость или арендовали жилье, двое владели промышленным заведением в городе (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 883. Л. 489–495 об.; Д. 921. Л. 1–92 об.).

Однако в городе продолжали жить потомки казаков и те, кто совсем недавно принадлежал казачьему сословию. Безусловно, они оставались носителями казачьей культуры, несли в городское пространство свои бытовые привычки, язык, постепенно встраиваясь в городской социум, обогащали его казачьим компонентом. На рубеже XIX–XX вв. заметны процесс перехода казаков в другие сословия, прежде всего мещанское, и связанное с этим переселение в Челябинск, который привлекал массу нового населения, в том числе казаков, проживавших в окрестных станицах и поселках.

Если переселение не требовало решения формальностей, то переход в новое сословие был связан с необходимостью получения разрешения на выход из казачьего сословия и разрешения на прием в мещанское сословие. В Объединенном государственном архиве Челябинской области в фонде Челябинского мещанского старосты сохранились общественные приговоры мещанского общества о принятии в свой состав выходцев из других сословий. К сожалению, комплекс документов фрагментарный, но за 1899 г., судя по всему, приговоры сохранились в полном комплекте (ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 256, 258). Примечательно, что основную часть принятых в мещанское сословие Челябинска в этот год составили оренбургские казаки, хотя встречаются крестьяне, мещане, купцы из различных местностей Российской империи. Всего за 1899 г. в Челябинское мещанское общество было принято 206 семей казаков, что составило 1036 человек. Интересно, что география казаков-переселенцев ограничивалась ближайшей округой: существенная часть казаков прибывала из поселков Челябинской, Долгодеревенской, Миасской, Еткульской станиц. При этом в списках встречаются почти все поселки Челябинской станицы: Шершнево-Восточный, Кайгородовский, 2-й Полетаевский, Чипышевский, Троицкий, Черняковский, Сосновский, Николаевский, Першинский, Круглянский. Чуриловский, Коноваловский. Тугайкульский. Фотеевский, Дударевский, Сухомесовский, Исаковский, Синеглазовский, Смолинский, но нет заявлений о переходе в мещане Челябинска от казаков, живших в самом городе. Редки случаи переселения из более отдаленных станиц, самые дальние из них: Коельская, Травниковская, Кундравинская, Звериноголовская. Возможно предположить, что городские казаки могли переезжать в близлежащие поселки, сохраняя сословный статус, а им «на смену» приходили выходцы из казачьего сословия, решившие перейти в мещане. Переходившие в мещанское сословие казаки приобретали не только новые права, но и обязанности, в том числе они касались и воинского долга. Так, в 1897–1899 гг. в запас армии было зачислено 26 бывших казаков, в 1900 г. – 13 чел., 1901 – 17 чел. (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 610).

Челябинск в исследуемый период переживал градостроительный бум, застраивались свободные дворовые места в обжитой части города, на смену деревянным строениям приходили каменные и многоэтажные здания, нарезались новые кварталы на окраинах, велось оживленное строительство в новых «районах» города: в Пригородной, Дешевой и Сибирской слободах, в Заречье и Заручейной частях. Раскладочные ведомости налога на недвижимое имущество зафиксировали ситуацию с расселением казаков в городской черте (табл. 2).

Самой зажиточной была усадьба урядника Василия Колбина. Он жил на ул. Солдатской, на его дворе стояли два двухэтажных дома (полукаменный и каменный), две избы, погреб, амбар, каретник, баня, конюшня, каменные амбары – все это оценивалось в 3500 руб. На Христорождественской площади располагалась усадьба полковника Федора Старикова: по-

лукаменный дом, пять амбаров, две конюшни, баня – 3000 руб. (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 353. Л. 15 об. – 16; 91 об. – 92).

Таблица 2

Домовладения казаков в черте г. Челябинска, 1896 г.
(ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 353)

Название улицы/площади	Количество домов казаков	Оценочная стоимость, руб.
Уфимская улица	4	3700
Христорождественская площадь	1	3000
Никольская улица	2	1750
Мастерская улица	7	4675
Ключевская улица	1	0*
Солдатская улица	3	5300
Солдатская площадь	1	300
Казарменная улица	2	400
Восточный бульвар	2	400
Заручейная улица	1	0*
Северный бульвар	3	450
Миасская улица	1	600
Исетская улица	1	200
Южный бульвар	2	150
Азиатская улица	1	1000
Оренбургская улица	3	275
Александровская площадь	2	1280
Скобелевская улица	1	600
Кыштымская улица	1	650
Преображенская улица	1	50
Екатеринбургская улица	4	2050
Береговая улица	2	350
Северный бульвар	1	0*
Всего	47	27180

* *Примечание.* «Малоценные» строения, не облагавшиеся налогом.

Раскладочная ведомость по налогу на недвижимое имущество за 1896 г. примечательна тем, что в ней аккуратно фиксировался сословный статус владельцев. В последующие годы эти сведения в раскладочных ведомостях указывались эпизодически. Так, в ведомости 1908 г. зафиксировано всего четыре домовладения, принадлежавших представителям казачьего сословия (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 929). Поэтому данные 1896 г. о казачьей недвижимости целесообразно сравнить со сведениями об имущественном статусе, которые содержатся в списках избирателей. В 1906 г. – 22 казачьих домовладения (суммарная оценочная стоимость – 17 250 руб.), в 1914 г. – 25 казачьих домовладений (суммарная оценочная стоимость – 29 350 руб.) (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 831. Л. 16–19; Д. 1176. Л. 4–21). Таким образом, в 1890–1910-е гг. количество казачьих домовладений сократилось в два раза, при этом повысилась средняя оценочная стоимость казачьей усадьбы с 578 руб. в 1896 г. до 1174 руб. в 1914 г. В казачьем секторе недвижимости исчезли «малоценные» усадьбы, а сохранившиеся судьбы повысили свою стоимость за счет перестройки и расширения. Из этого можно сделать вывод, что Челябинск на рубеже веков стали покидать несостоятельные казаки.

По данным списка избирателей, имеющих право участвовать в выборах гласных городской думы, в 1906 г. в Челябинске было 22 собственника недвижимого имущества из казачьего сословия. Суммарно их собственность оценивалась в 17 250 руб., в среднем – 780 руб. на казака. Выше всех стоял подъясаул Иван Заплатин (1800 руб.), ниже – подъясаул Григорий Стариков (300 руб.) (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 831. Л. 16–19). Таким образом, по сравнению с 1861 г., когда в Городовой обывательской книге было записано 62 казака-домовладельца (ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5470), их количество за 45 лет сократилось почти в три раза.

Город давал возможности заниматься торговлей, держать промышленное заведение, участвовать в управлении бизнесом (приказчики). И казаки были вовлечены в экономическую жизнь Челябинска. Об этом свидетельствуют промысловые свидетельства (подобие лицензий), которые выдавались городской управой. За 1907–1917 гг. было выдано около 3000 промысловых свидетельств, из них 51 – представителям казачьего сословия. Казаки также арендовали городскую землю: в 1900-е гг. казаки И. С. Караваев, И. Д. Казанцев, Я. С. Казанцев, С. Е. Струпин, С. Н. Третьяков арендовали участки в Пригородной и Дешевой слободах (ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6960. Л. 82 об., 153 об.; Д. 6955. Л. 3; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 619. Л. 7).

В связи с предпринимательской деятельностью казаков возникали казусы. Например, в 1902 г. казак Луговского поселка Усть-Уйской станицы Яков Андреев привез в Челябинск 40 возов арбузов, самовольно занял городское место, отказался платить за аренду, чем вызвал недовольство городских властей (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 697а. Л. 265–265 об.). Другое разбирательство связано с казаком Першинского поселка Порфирием Пастуховым, занимавшимся ломовым извозом. В 1912 г. городская управа предъявила ему счет на 225 руб. за неоплату знаков за извозный промысел и пени, в 1913 г. сумма выросла до 337 руб. 50 коп. Как оказалось, казак содержал до 30 лошадей, на которых возил с мельницы Степановых, что недалеко от Першинского поселка, в город крупчатую муку и мякоть, а из города на мельницу рожь и пшеницу. Таким образом, казак заезжал на территорию города и должен был уплачивать сбор «по высочайше утвержденному 26 января 1887 г. мнению Государственного совета о сборе в пользу Челябинска с извозного промысла» (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1116. Л. 3–20).

Расположение Челябинска в окружении казачьих земель и поселений предполагало, что казаки активно присутствуют в городском пространстве, включены в повседневную жизнь города. Так, в городской больнице пользовались лечением казаки 1, 2 и 3 военных отделов Оренбургского казачьего войска, за что правления названных отделов заплатили в городскую казну почти 9000 руб. (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 525. Л. 1, 13, 14, 23–25). О вовлеченности казаков в городскую жизнь говорят случаи из повседневной жизни, отраженные в делопроизводственной документации городской управы. Так, в феврале 1900 г. казак Ильинского поселка Яков Курочкин разбил фонарь на улице Уфимской у тюрьмы, за что вынужден был заплатить 5 руб. (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 525. Л. 82–83 об.). В 1902 г. подъясаул Смирных пожаловался уездному исправнику на полицейского надзирателя Нефедя Лоскутова, который следил за порядком на мосту и грубо общался, нанес оскорбление казаку (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 697а. Л. 82).

Городские казаки, имевшие недвижимость и занимавшиеся предпринимательством, участвовали в общественной жизни города, были включены в органы местного самоуправления, однако и из этой сферы городской жизни они уходят в начале XX в. Самым ярким представителем казачьего сословия Челябинска был урядник Василий Колбин (1854–1911). Он занимался разработкой каменных карьеров, построил электростанцию, жертвовал крупные суммы на образование и церкви, в 1900-е гг. перешел в купечество. Предприниматель был единственным гласным городской думы – казаком в созыве 1898–1901 гг., после его выхода из сословия казаки в думу не избирались (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 619, 650, 699, 725, 831, 858, 907). На выборах 1906 г. из 40 избранных гласных и 10 кандидатов не было ни одного казака, не было их и в последующих созывах (ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6982. Л. 111–111 об.). Грамотные представители казачьего сословия избирались присяжными заседателями. Так, по данным на 1910 г., из 268 человек присяжных заседателей, избранных в Челябинске, 12 были из казаков (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 987. Л. 3 об. – 18).

После 1917 г. Челябинск оказался вовлечен в масштабные события Гражданской войны: здесь дважды устанавливалась советская власть; у «стен города» развернулось одно из крупнейших сражений Гражданской войны – Челябинское; после 1919 г. еще пару лет большевистской власти в регионе сопротивлялись повстанцы, ядро которых составляли казаки; наконец, вместе с армией А. В. Колчака отступили тысячи казаков, бежали на восток и жители Челябинска [Нарский, 2001; Кобзов, Шведов, 2017]. Остались ли после всего этого в городе казаки? Официально провозглашалось, что и при советской власти в Челябинске жили казаки. Об этом свидетельствует и название совета, вновь созданного в 1919 г., – Челябинский городской совет рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 45. Л. 36). Однако в действительности обнаружить казаков в советском Челябинске не так просто: согласно многочисленным учетным документам депутатов совета, членов разнообразных секций, казаков среди них нет (Там же. Д. 46, 50, 56, 61, 62, 67, 68, 95, 612). Примечательно, что и в разработанной ведомости учета представительства городских слоев населения казаки также не фигурируют (Там же. Д. 61. Л. 8 об. – 9). Казаки в городском совете присутствовали только на официальных бланках и в названии органа власти, откуда они исчезли к концу 1920-х гг.

Тем не менее казаки в Челябинске остались. Об этом свидетельствуют списки членов старообрядческих общин, составленные в 1923 г. в процессе регистрации общин и оформлении аренды церковных зданий. В составленных списках указывался дореволюционный сословный статус прихожан. В Никольской старообрядческой общине из 71 члена общины не было ни одного казака (ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 2. Л. 13–15). В Свято-Троицкой старообрядческой общине состоял 51 человек, из них двое принадлежали к казачьему сословию: Афанасий и Евдокия Мальцевы 1885 года рождения (Там же. Д. 4. Л. 11–14). К 1927 г. община выросла до 66 человек, и в новом списке уже не указывалось дореволюционное социальное положение, а Мальцевы записаны как служащий и жена служащего (Там же. Л. 36–39). Самой крупной была Покровская старообрядческая община, в ней по списку было 230 человек – в основном мещане и крестьяне, но встречаются и казаки: Яков и Ефросинья Смолины (Челябинск); Абрам, Елена и Степанида Ивлевы; Анисья Казанцева, Николай и Ульяна Вишняковы (пос. Круглянский Челябинской станицы); Варвара Малых, Татьяна Ильиных, Антон и Евдокия Кондаковы, Степанида и Александра Ильиных, Степан и Павла Струнины (Челябинск) (ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 11. Л. 15 об. – 25). Итак, на 1923 г. во всех старообрядческих общинах Челябинска состояло 18 представителей казачьего сословия, из них 12 человек жили в городе. Зафиксированное соотношение сословий указывает на то, что и до масштабных потрясений казаки не занимали доминирующего положения в старообрядческих общинах.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. на фоне бурного экономического и социального развития Челябинска наблюдалась трансформация прежней структуры городского социума. Казачье сословие в пределах города фактически растворилось. В условиях активизации градостроительства, появления новых кварталов существенно сократился казачий сектор недвижимости, который в 1917 г. составлял около 25 домовладений. Точную численность казачьего сословия в Челябинске установить невозможно, но, по косвенным данным, она могла составлять примерно 100 человек. Изменившийся социально-экономический профиль города предоставлял казакам две возможные жизненные стратегии: первая, если казаки сохраняли верность сословию, – покинуть город и обосноваться в пригородных поселках, в которых можно было сохранить привычный уклад жизни, нести службу и работать на земле; вторая, если казаки готовы были меняться и встраиваться в новые условия, – перейти из казачьего сословия в мещане, что означало разрыв с привычным образом жизни, отказ от военной службы и земельных наделов. Оба варианта предполагали сокращение количества представителей казачьего сословия в городе, о чем свидетельствует и перевод станичных органов управления из Челябинска в пригородные поселки. Однако казаки продолжали присутствовать в городском пространстве: они занимались торговлей, извозным промыслом, арендовали земли, их часто можно было встретить на улицах, они посещали местные ярмарки и увеселительные мероприятия, пользовались услугами городской больницы.

Изменение формального сословного статуса еще не означало изменение привычек, мировоззрения, быта, норм семейных отношений и прочего, свойственного казачьей культуре. Несмотря на исход казаков из города, Челябинск сохранял статус станичного центра, а в 1918 г. в период активной фазы Гражданской войны на Южном Урале на короткое время стал центром 4-го округа Оренбургского казачьего войска. Номинальное включение казаков в городской совет после установления советской власти скорее свидетельствовало о попытке местных властей консолидировать общество, привлечь на свою сторону оппозиционно настроенное казачество, нежели о существенном представительстве казачества в городе и местных органах власти. Любопытно, что новые власти и в 1920-е гг. продолжали позиционировать Челябинск как место проживания казаков, потерявших свой сословный статус, но, по-видимому, сохранявших верность привычному образу жизни и традициям.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-20154.

Список источников

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5470; Д. 6955; Д. 6960; Д. 6982; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 353; Д. 525; Д. 610; Д. 619; Д. 650; Д. 697а; Д. 699; Д. 725; Д. 831; Д. 858; Д. 883; Д. 907; Д. 921; Д. 929; Д. 987; Д. 1116; Д. 1176; Ф. И-6. Оп. 1. Д. 256; Д. 258; Ф. И-226. Оп. 3. Д. 335; Д. 367; Оп. 4. Д. 482; Д. 510; Д. 541; Д. 656; Д. 804; Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 45; Д. 46; Д. 50; Д. 56; Д. 61; Д. 62; Д. 67; Д. 68; Д. 95; Д. 612; Оп. 4. Д. 2; Д. 4; Д. 11.

Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Тип. «Г-ва худож. печати», 1904. 193 с.

Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург: Типо-литогр. губерн. правления, 1901. 307 с.

Список населенных мест Челябинского уезда. Челябинск: Тип. «Печатное дело», 1916. 215 с.

Библиографический список

Алеврас Н.Н. Социально-демографический портрет Челябинска 1897 года // Челябинск неизвестный: краевед. сб. Челябинск, 2002. Вып. 3. С. 80–93.

Алеврас Н.Н. Челябинск в XVIII – начале XX века: социально-демографические процессы // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2000. № 1 (11). С. 20–35.

Антипин Н.А., Шестаков А.М. Инфраструктура челябинских старообрядцев (1905–1930 гг.) // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 32–39.

Волков Е.В. Оренбургские казаки в пространстве дореволюционного города: к вопросу о подходах в области социальной истории // Архив в социуме – социум в архиве: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2022. С. 265–268.

Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917 гг.). М.: Центрполиграф, 2008. 688 с.

Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 382 с.

Кобзов В.С., Шведов И.В. Урал в период потрясений 1917–1921 годов. Челябинск, 2017. 453 с.

Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.

Никонова О.Ю., Тимофеев А.А. Железная дорога и миграция в уездном городе Челябинске в конце XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 137–146.

Самигулов Г.Х. Из истории Челябинска: в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск: Каменный пояс, 2015. 140 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.09.2023

CHELYABINSK COSSACKS, 1890s–1920s

N. A. Antipin

South Ural State University, Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia

antipin87@mail.ru

ResearcherID: AAZ-9777-2020

Scopus Author ID: 57200941679

SPIN: 9379-9264

The article discusses the issues related to the life of Cossacks in urban space. Traditionally, Cossacks have been depicted in historiography exclusively as rural residents settling in villages and towns, leading to a lack of in-depth research on the challenges faced by Cossacks in urban spaces. Since the founding of Chelyabinsk in 1736, Cossacks have been an integral part of the urban population. While performing military service and having specific rights and responsibilities, they were also active members of urban society, engaging in self-governance and economic activities. The primary focus of the article is the demographic shift within the Cossack population in Chelyabinsk during the late 19th and early 20th centuries. To solve the problem, a wide range of various archival sources was used, including clergy lists of city parishes, layout sheets of real estate taxes, registers of issuance of fishing certificates, voter lists, correspondence of the city government, and office documents of the city council. The study revealed that, at the turn of the 19th and 20th centuries, the Cossack class within the city virtually dissolved: the number was reduced to about one hundred people, with only 25 Cossack households remaining. The research identified two possible life strategies adopted by Cossacks in response to these changing circumstances. The first strategy involved relocating from the city to suburban villages, while the second entailed transitioning from the Cossack class to the bourgeoisie. Both approaches led to a reduction in the number of Cossack representatives in the city, as evidenced by the transfer of stanitsa government bodies from Chelyabinsk to suburban villages. The nominal inclusion of Cossacks in the city council in 1919 indicated an attempt to win over the opposition-minded Cossacks, as well as the positioning of Chelyabinsk as a place of residence for Cossacks.

Key words: Orenburg Cossacks, Chelyabinsk, social changes, social history, migration processes.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-28-20154.

References

- Alevras, N.N. (2000), “Chelyabinsk in the 18th – early 20th centuries: socio-demographic processes”, *Vestnik CHelGU*, № 1 (11), pp. 20–35.
- Alevras, N.N. (2002), “Socio-demographic portrait of Chelyabinsk in 1897”, in Bozhe, V.S. (ed.), *Chelyabinsk neizvestnyy: kraevedcheskiy sbornik. Vyp. 3* [Unknown Chelyabinsk: collection of local history. Vol. 3], Tsentr istoriko-kul'turnogo naslediya, Chelyabinsk, Russia, pp. 80–93.
- Antipin, N.A. & A.M. Shestakov (2021), “Infrastructure of the Chelyabinsk Old Believers (1905–1930)”, *Vestnik YUUrGU. Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye nauki”*, vol. 21, № 3, pp. 32–39.
- Ganin, A.V. (2008), *Nakanune katastrofy. Orenburgskoe kazachye voysko v kontse XIX — nachale XX vv. (1891–1917 gg.)* [On the eve of the disaster. Orenburg Cossack army in the late 19th – early 20th centuries. (1891–1917)], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia, 688 p.
- Godovova, E.V. (2020), *Povsednevnyaya zhizn' rossiyskogo kazachestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Daily life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries], Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia, 382 p.
- Kobzov, V.S. & I.V. Shvedov (2017), *Ural v period potryaseniya 1917–1921 godov* [The Urals during the period of upheaval of 1917–1921], Myakotin I.V., Chelyabinsk, Russia, 453 p.
- Narskiy, I.V. (2001), *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922], ROSSPEN, Moscow, Russia, 632 p.
- Nikonova, O.Yu. & A.A. Timofeev (2022), “Railway and migration in the district city of Chelyabinsk in the late 19th – early 20th centuries”, *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, № 1 (74), pp. 137–146.
- Samigulov, G.Kh. (2015), *Iz istorii Chelyabinska. Kn. 1. Krepost i provintsialnyy gorod s 1736 po 1781 god* [From the history of Chelyabinsk. Vol. 1. Fortress and provincial town from 1736 to 1781], Kamennyy poyas, Chelyabinsk, Russia, 140 p.
- Volkov, E.V. (2022), “Orenburg Cossacks in the space of the pre-revolutionary city: on the issue of approaches in the field of social history”, in *Arhiv v sotsiume — sotsium v arhive: materialy pyatoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Archive in society — society in the archive: materials of the fifth All-Russian scientific and practical conference], Chelyabinsk, W. p., Russia, pp. 265–268.